

конкретном саговом тексте отражения тогдашних религиозных верований, моральных ценностей, особенностей быта и т. д.

Ключевые слова: средневековое общество, родовые саги, языческая традиция, культ Одина, «Старшая Эдда», «Младшая Эдда».

Summary

The article is an attempt to design a specific characters' attribute of one of the "sagas of the Icelanders", "The Droplaug Sons Saga" on some of the characteristic properties of the supreme god of the pagan Scandinavians Odin, the idea of which was reflected in Eddic and other saga texts. The material can be useful in an effort to accentuate the features of the odinic hero in the characters of family sagas in the context of the cult of Odin, the Scandinavian pagan traditions. The published work will contribute to the identification of evidences of medieval society functioning in "The Droplaug Sons Saga", and recognition of the then religious beliefs, moral values, life peculiarities and so on in specific saga text.

Key words: medieval society, family sagas, pagan tradition, Odin cult, "The Elder Edda", "The Younger Edda".

УДК 821.161.1 – 1 "19"

Т.В. Горячева

РОЛЬ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ «УХОДА» В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Л. СЕМЕНОВА

«Уход» Л. Семенова – один из самых волнующих аспектов житнетворчества писателя, и рассматривать его просто как биографический факт означает, с нашей точки зрения, лишать этот житнетворческий акт того символического смысла, который в нем скрыт. Будучи характерным социокультурным явлением рубежа веков, «уход», тем не менее, мало изучен. Цель статьи состоит в том, чтобы осмыслить данную поведенческую стратегию Л. Семенова с точки зрения литературы, поскольку изучение изменений, произошедших в творчестве поэта в связи с выбором этой стратегии, открывает широкие перспективы для понимания Л. Семенова – художника. Под «уходом» мы понимаем такой тип писательской стратегии, который связан с неожиданным для окружающих отказом от литературной деятельности, от искусства, выпадением из привычного круга общения и попытку исповедовать ценности народа до слияния с ним. Как правило, «уход» означает разрушение прежней писательской репутации и прекращение писательской деятельности. В

словах Сапогова из эпиграфа подчеркивается это, свойственное русским писателям, чувство вины и невозможность оставаться в сфере искусства, когда жизнь требует включения в борьбу за справедливость.

Возвращение творческого наследия Л. Семенова к читателям произошло благодаря усилиям видного литературоведа В.С. Баевского, который в 2007 г. выпустил в серии «Литературные памятники» книгу «Л. Семенов Стихотворения. Проза». Эта книга представляет все то, что на долгие годы было забыто и выпало из истории русской литературы. Публикации произведений снабжены основательными комментариями и обширной статьей, дающей полноценное представление о месте Л. Семенова в истории русской литературы. В ходе изучения наследия поэта мы в полной мере смогли оценить всю весомость и важность сделанного исследователем. Между тем представляется важным сделать дополнения и уточнения, которые дают возможность восполнить существующие представления о наследии выдающегося поэта.

«Уход» Л. Семенова можно условно разделить на два этапа. Первый шаг в этом направлении был сделан, когда писатель, восприняв идеи революции, с головой окунулся в новую деятельность. А затем, после цепи трагических обстоятельств и встречи с Л. Толстым, он «отошел от политических партий и пошел путем отречения от культурной жизни, от своей поэзии, от искусства вообще» [7, 179]. Известно, что во время учебы в университете Л. Семенов сблизился с представителями революционных кругов. Сначала его реакция на революцию была «чисто эстетической», поскольку задачей революции, как говорит В. Сапогов, было «разрушить уродливую, “нехудожественную” власть “сытых”» [4, 114]. События 1905 года, знакомство с Марией Добролюбовой и духовное единение с этой незаурядной, оказывающей особое влияние на всех встречавшихся с ней, женщиной во многом определило дальнейший выбор Л. Семенова в сторону его практического участия в революции.

Во время активной революционной деятельности он не переставал заниматься литературой, однако тематика его поэтических произведений меняется. Как справедливо отмечает В.С. Баевский, в 1907 году журнал «Трудовой путь» «с 1-го по 4-ый и с 6-го по 9-й номер, на самом видном месте, печатает открыто тенденциозные стихи и прозу Семенова» [5, 557]. Писатель обращается к теме несправедливости и лжи, равнодушия и безысходности, душевного голода и поиска Бога.

В седьмом номере журнала «Трудовой путь» за 1907 год Л. Семенов опубликовал цикл стихотворений «Кошмары». К сожалению, в современное собрание произведений поэта эти произведения не вошли: в нем опубликованы только те стихотворения, которые напечатаны в девятом номере этого же журнала. Введение в научный оборот произведений цикла «Кошмары»: «Кошмар», «Коридоры», «Суд», на наш взгляд, позволит составить более полное представление о единстве самого цикла и выявить изменения, произошедшие в творческом мировидении Л. Семенова.

Рассматриваемый цикл состоит из 3 стихотворений. Открывается он стихотворением «Кошмар»:

Мне снится свод холодный зала,
 Бездушных стен немой скелет,
 Сукно зеленое, зеркало
 И тусклый сумрачный портрет.
 Под ним все люди здесь, как стены,
 Глаза их, маски и шаги.
 Все говорят как манекены
 И все как будто всем враги.
 В стенах вершится наше дело,
 В нем нашей жизни смысл, конец.
 Так страшно, страшно: точно тело
 Живое режет здесь мертвец.
 Душа томится, затхлость склепа
 Ее сжимает как доска,
 И, сон безумный! Сон нелепый!
 Ты здесь сама, вся – боль, тоска.
 Ты перед ними виновата!
 Встаешь и хочешь говорить
 И смотришь тихо, ясно, свято,
 Как будто хочешь их простить! [6, 8].

В первых строках стихотворения создается холодная, сумрачная атмосфера кабинетов государственных учреждений, в которых вершатся судьбы людей. В аскетичной обстановке нет места любви, справедливости и пониманию, здесь действуют люди-манекены, люди-враги. Единственным спасением для лирического героя становится сон, во время которого заточенной в тюремной камере ищущей душе является Она. Встреча лирического героя с Ней происходит во сне. Поэт воплощает символистский мотив противопоставления мира сна миру бездушной реальности. В трансцендентном мире сна Она приводит лирического героя к мысли о прощении. Идея прощения впоследствии становится ключевой в новом мироощущении поэта. В стихотворении лирический герой максимально приближен к автору.

Образы, создаваемые поэтом в стихотворениях цикла, перекликаются с образами его прозаических произведений. Одним из связующих является образ коридора. В рассказе «Проклятие» коридор является для главного героя местом, где он, покинув стены камеры, сталкивается с ужасом реальной жизни, которая обнажается в судьбах окружающих его людей: «Я иду по коридору. В коридоре грязно и мокро. Везде лужи. <...> Дикий, нелепый кошмар давит меня как фатум. Коридор кажется мне бесконечным. <...> Я с ужасом думаю, что мне надо будет еще раз пройти по коридору и так много раз...» [5, 120]. В стихотворении «Коридоры» поэт передает особую значимость образа, который

мыслится как символ безысходности и бессмысленности, от которых бежать непросто:

Идем, идем все коридоры!
И им конца, конца все нет.
Как эти стены давят взоры,
И как уныл от лампы свет!...[6, 8].

По мнению В.С. Баевского, центральные темы творчества Л. Семенова представлены в некоторых стихотворениях сатирически [5, 557]. В стихотворении «Суд», используя элементы сатиры, поэт описывает служителей закона, занимающихся делами политических заключенных:

Они вошли на белых ножках,
Был сух исписанный их взгляд.
Все были в синеньких обложках –
Официальный их наряд...[6, 8].

Вводимые в научный оборот стихотворения Л. Семенова дополняют перечень произведений, составляющих наследие писателя, и открывают новые перспективы для понимания Л. Семенова-художника, в творчество которого входят социальные темы, воплощенные своеобразно и оригинально. Однако они, конечно, должны быть изучены и в контексте всего цикла, и в контексте его творчества той поры.

В конце декабря 1906 года Л. Семенов пишет рассказ «Проклятие», состоящий из трех частей: «Острог», «Этап», «Тюрьма». Он повествует о событиях года, отданного революционной борьбе, о Марии Добролюбовой, о страданиях, которые он пережил во время тюремного заключения. Знакомство с судьбами многих людей в этот период дало богатый материал для художественного и нравственного осмысления действительности. В рассказе очевидны изменения, произошедшие в творческом мире писателя.

Рассказ «Проклятие» можно считать первым прозаическим произведением Л. Семенова. В те годы помимо поэзии были созданы только драма «Около тайны» и ряд статей, написанных и опубликованных ранее. Как отмечает В.С. Баевский, прототипом героя этого произведения стал сам Л. Семенов, прототипом Серафимы была М. Добролюбова, а главный мотив повести можно определить как «основной мотив символизма – он стремится к Ней, Ее не достигая» [5, 533]. Однако символистский мотив воплощается наряду с реалистическими образами и картинами тюремного быта, в которые он погружен. А. Блок выделил рассказ «Проклятие» в статье «О реалистах» из ряда другой современной ему прозы. «Рассказ Семенова “Проклятие” <...>, – писал он, – потрясает и отличается во многом от сотни подобных же описаний правительственных зверств, но отличается от них более в чисто описательной части. Что же сверх того – показывает только еще раз, что трудно “служить богу и маммоне”, хранить верность жизни и искусству» [1, 114]. Вероятно, поэт имел в виду, что предмет изображения потребовал от Л. Семенова «социальности», которая выражалась за счет или в ущерб эстетического,

которое прежде было связано у него с символизмом. Выход этого рассказа в свет ознаменовал рождение нового писателя. Л. Семенов, по справедливому замечанию А. Блока, отдаляется от искусства и отдается «деловой» литературе: осуждает несправедливый суд, тюрьму, смертную казнь, пишет о жестокости власти и социальном неравенстве.

Террористическая деятельность и осознание ее бесплодности, революционная агитация по деревням, тюремное заключение, побег и избиения, смерть Марии Добролюбовой возможно, впервые открыли для Л. Семенова темную сторону жизни и вновь поставили перед ним вопрос, являвшийся, по воспоминаниям Ф. Зелинского, «томящей проблемой» Л. Семенова: «“Как надо жить?” – разумеется, для того, чтобы быть в душевном мире с самим собой, чтобы чувствовать спокойной свою совесть» [2, 58]. В этот период «спокойной» его совесть стала лишь тогда, когда он смог поднять свой голос в защиту угнетаемых. Афористический цикл «Листки» во многом раскрывает суть исканий и систему взглядов Л. Семенова. «Я хочу, – писал он, – чтобы все было осмысленно. Не хочу примириться, чтобы в жизни моей был случай, это значит из всего извлекать смысл, все делать осмысленным» [5, 207]. В афоризмах этого цикла В.С. Баевский выделяет магистральное направление мысли писателя, заключающееся в отражении «пессимистического образа времени и человека», разочарования в литературе и искусстве, вопроса о личной ответственности каждого человека за зло, творящееся в мире.[5, 537].

События жизни Л. Семенова, его искания постепенно возвращали его на путь, ведущий к Богу. Тюрьма стала для писателя местом, где он пришел к новому пониманию жизни и ценностей, согласно которым следует жить. Во время пребывания в тюрьме Л. Семенов переписывается с другими заключенными. «И вставляли передо мной по этим письмам разительные и страшные в своей правдивости картины всей темной растерянности их и беспомощности...», – пишет Л. Семенов о людях, которые жаждали от него ответов на жизненно важные для них вопросы [5, 270]. Л. Семенов чувствовал всю меру ответственности за каждое слово и понимал, что «громкие и красивые фразы по готовым книжкам», которые казались такими значительными во время революционной агитации, теряли свою значимость. «И чем дальше, тем все страшней было мне писать ответы на их вопросы, терялся уж сам, не зная, что писать, чувствовалось, как каждое мое слово падает глубоко в их души, и страшно поэтому становилось ответственности за них. Не смел уже писать легкомысленно, старался уже сам в каждом вопросе дать ответ себе и разобраться – что знаю и чего не знаю. И иногда казалось, что еще сам ничего и ни писал я им, стал ссылаться на Евангелие, ибо Оно одно давало покой духу и веру, что если буду держаться Его, или того, что понятно мне в Нем, то не нарушу тех строгих и жутких для меня требований к себе, которые стал чувствовать, когда ощутил живую связь свою с другими людьми – связь любви и веры друг в друга, какая заключалась здесь между нами»[5, 270].

Перелом в системе ценностей Л. Семенова привел его к Л. Толстому. Встреча с ним укрепила Л. Семенова в правоте собственного выбора. Писатель решает «начать жить приучением себя к черному труду среди простого народа» [5, 296]. Произведения, вышедшие в печать в период с июня 1907 по июнь 1909, – последние опубликованные им, – больше при жизни Л. Семенова в печати не появляются. Проза этого периода, как отмечает сестра писателя В.Д. Семенова-Тян-Шанская-Болдырева, «написана кровью» [7, 179]. Особо следует отметить рассказ «Смертная казнь», получивший высокую оценку Л. Толстого и опубликованный по его настоянию. Л. Толстой также хотел писать о казнях и собирал материалы об этой проблеме. Устные рассказы Л. Семенова произвели на Л. Толстого большое впечатление. В рассказе «Смертная казнь» он почувствовал и высоко оценил способность молодого писателя «выражать свои чувства, заражать этими чувствами других» [9, 156]. Во время чтения рассказа Л. Толстой не мог сдержать слез. Он был убежден, что за двадцать лет не было написано ничего, что можно было бы сравнить с этим рассказом: «Ни у Андреева, ни у кого другого не знаю такого описания: удивительно художественно» [3, 95]. О самом способе «писания» Л. Толстой говорит: «В начале декадентски неопределенно; приуныли, не знали, что фантазия, что правда. Потом сразу захватывающе, ясно, в нескольких словах, а главное — сюжет о казнях. (Должно быть, все правда.)» [3, 82].

У Л. Толстого и Л. Семенова было немало точек соприкосновения. В их взаимоотношениях со всей очевидностью выразились интересы Л. Толстого последних лет жизни, они проливают свет на драматический, полный сомнений и раздумий период исканий Л. Семенова. Картина отношений писателей предстает в их переписке. В письмах Л. Толстой говорит о духовной близости, единении в Боге и о том истинном пути, которым идет Л. Семенов, но он, Л. Толстой, идти не может. Стержневой темой писем Л. Толстого была поддержка, так необходимая Л. Семенову, делавшему первые шаги по избранному пути «ухода»: «Милый Леонид, Очень рад был получить ваше письмо. Помогай вам бог неустанно двигаться на том пути, к[оторый] вы избрали. Он единый истинный. В этом я так же уверен, как в том, что существую» [8, 153]. Влияние, оказанное этими людьми друг на друга, сложно переоценить: они служили друг другу опорой на том пути, который они для себя избрали.

Итоговым произведением Л. Семенова стал «роман-исповедь-дневник» «Грешный грешным» [5, 497]. «Грешный грешным» - это масштабное полотно жизни и исканий Л. Семенова, написанное уже зрелым человеком как бы со стороны смотрящим на свой жизненный путь. Многие моменты автором переосмыслены в духе ценностей и взглядов православия, так как Л. Семенов в 1917 году вернулся в лоно церкви и готовился принять сан священника, однако чувствуется стремление писателя беспристрастно подытожить события своей жизни перед новым ее этапом. Можно предположить, что автор вернулся к своей задумке написать «“настоящий” роман». «Грешный грешным» не был

завершен в связи со смертью писателя, а его рукописи чудом уцелели в «окаянные дни» [5, 495].

«Уход» Л. Семенова представляет собой социокультурный феномен присущий культуре рубежа веков. Достаточно вспомнить А. Добролюбова, «ушедшего в народ» и основавшего секту доролюбовцев, Л. Толстого, уход которого потряс общество начала века и до сих пор является предметом внимания ученых, Д. Мережковского, который намеревался по окончании университета «уйти в народ», сделаться сельским учителем, А. Блока, не принимавшего идеи «ухода», однако выражавшего искреннее восхищение «людьми с *настоящим* [курсив автора – Т.Г.] уклоном воли», В. Хлебникова и многих других, творивших свой собственный акт «ухода». Особенности ситуации последних десятилетий 19 века и предчувствие близкой катастрофы, стремительная смена ценностей, тревога и смятение душ объясняют выбор поведенческой стратегии «ухода» как способа восприятия и проживания жизни.

Внелитературные события жизни Л. Семенова находят свое отражение в его художественном творчестве. В поэзии лирический герой Л. Семенова периода «Собрания стихотворений», который был максимально отдален от реальной жизни, после года практического участия в революции, входит в окружающую его жизнь, соединяется с ней, разделяет ужас этой жизни. Писатель выходит за рамки лирического выражения, не обладающего достаточной силой для описания реального мира, мира, в котором он живет. Поэт постепенно отходит от мистического идеала. В стихах этого периода образ Вечной Женственности находит земное воплощение в Маше Добролюбовой, которая становится для Л. Семенова прототипом лирической героини («Её», «сестры», «Серафимы»). Радикально меняется тематика произведений. Первенство поэт отдает вопросам социальным. В прозаических произведениях, которые доминируют в творчестве писателя после его «ухода», наряду с описаниями правительственных зверств и вопросами социальной несправедливости автор, верный исканиям своей метущейся души, поднимает философские вопросы о поиске Бога, о задачах литературы, об извечной проблеме антинормы свобода воли vs необходимость. Несмотря на небольшой корпус произведений созданных, Л. Семеновым, в каждом из них отразилась судьба писателя и эпоха в целом.

Литература

1. Блок А.А. Собрание Сочинений в 8-ми тт. [Текст] – М. – Л.: Гос. издат. худ. лит., 1962. – Т.5. – 799с.
2. Зелинский Ф.Ф. Памяти Л.Д. Семенова: [Текст] / Публ. В.С.Баевского // Известия АН. Серия лит. и яз. – 1998. – №1. – С. 49-59.
3. Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянные записки»: В 5 кн. [Текст] / Ред. изд. С. А. Макашин, М. Б. Храпченко, В. Р. Щербина (глав. ред.). Кн. 3: 1908–1909 (январь – июнь) – 1979. – 512 с.: ил., 1 л. портр.

4. Сапогов В.А. Лев Толстой и Леонид Семенов: [Текст] / В. Сапогов // Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та и Костромского гос. пед. ин-та. – 1970. – Вып. 20.–С. 111-128.
5. Семенов Л.Д. Сихотворения. Проза: [Текст] / Подготовка издания, примеч., стат. Вадима Баевского. – М.: Наука (Литературные памятники), 2007. – 578с.
6. Семенов Л.Д. Кошмары: [Текст] / Л. Семенов // Трудовой путь. – 1907. – №7. – С. 8-9.
7. Семенова-Тян-Шанская-Болдырева В.Д. О Леониде Семенове: [Текст] / Публ. Бураго С.Б. // Collegium. – 1994. –Вып.1. – С. 178-180.
8. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 томах: письма 1907 [Текст] / Подг. текста В.А. Жданова, Э.Е. Зайденшнур. – Т. 77 – М.: 1956. – 338[1]с.
9. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 томах: письма 1908 [Текст] / Подг. текста В.А. Жданова, Э.Е. Зайденшнур. – Т. 78 – М.: 1956. – 456[2]с.

Анотація

У статті розглядаються деякі тематичні та стилістичні зміни в життєтворчості Л. Семенова після його заглиблення в революційну діяльність, арешту та смерті М.М. Добролюбової. В науковий обіг вводяться вірші, які не увійшли в повне зібрання творів, опубліковане в серії «Літературні пам'ятники» (2007).

Ключові слова: «відхід», життєтворчість.

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые тематические и стилистические изменения, произошедшие в житнетворчестве Л. Семенова после его ухода в революционную деятельность, ареста и смерти М.М. Добролюбовой. В научный оборот вводятся стихотворения, не вошедшие в полное собрание сочинений, вышедшее в серии «Литературные памятники» (2007), .

Ключевые слова: «уход», житнетворчество.

Summary

The article studies some thematic and stylistic changes that took place in the life and creative works of L. Semenov after his involvement in revolutionary struggle, imprisonment and death of M.M. Dobrolubova. A number of poems that were not included into the complete set of works published in the series «Literary monuments» (2007) are brought into scientific circulation.

Key words: «leaving», creative works.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И.С. ТУРНЕВЫМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ

«Золотой век» русского очерка начинается с 1840-х гг., когда сформировалась и начала активно развиваться «натуральная школа». Писать этнографические очерки призывал В.Г. Белинский. Как известно, «натуральная школа» начала свое существование с «физиологического очерка», составлявшего, особенно на первых порах, основной предмет ее деятельности. Как справедливо писал В.И. Кулешов, «именно очерк оказался самым мобильным жанром беллетристики, с которым школа выходила за рамки внутривдворянской тематики» [4, с. 87]. И тематика, и стилистическая структура физиологического очерка была направлена против романтического индивидуализма. Преимущественное внимание авторов сосредотачивается на изображении среды, на обстоятельствах, влияющих на формирование личности. Жизненные условия, воспитание, воздействие окружающих решающим образом влияют на характеристику героев. Если романтиков привлекали личности исключительные, то физиологический очерк изображает именно людей обыкновенных, людей из «толпы», обыденную жизнь представителей разных сословий: предпринимателей, чиновников, ремесленников, продажных женщин и пр.

Физиологические очерки, как правило, лишены тщательно разработанного сюжета, их авторов интересуют в первую очередь социальное положение и профессиональная характеристика героя, для них характерны бытовые зарисовки, воспроизведение деталей обстановки, в которой происходит действие, в языковую ткань широко проникают профессионализмы, становящиеся важным средством характеристики персонажей. Определяющей особенностью физиологических очерков было, как известно, и то, что их авторы сосредоточили преимущественное внимание на жизни «низших слоев» общества, на судьбе, быте и психологии «маленького человека» – на всем том, что прежде считалось едва ли не предосудительным для изображения в литературе. Демократическая направленность, неизменно проявлявшаяся в таких произведениях, нередко сталкивалась с сопротивлением цензуры. Так, например, очерк А.П. Башуцкого «Водовоз» вызвал возражения из-за открыто выраженного в нем сочувствия петербургским чернорабочим, доставлявшим воду на высокие этажи барских домов, и высокомерного отношения «хозяев жизни» к простым честным труженикам.

Физиологический очерк открыл и новые объекты изображения действительности. Но типизацию его авторы, особенно на первых порах, понимали сужено, сосредоточившись на описаниях черт, привычек, образа жизни. Очерк эмпиричен и на глубину художественного анализа не претендует.